

Из записной книжки общественного корреспондента

Взгляд из прошлого

Сегодня мы подготовили к публикации одну из последних корреспонденций М. А. Корчагиной. Надеемся, что и эти «записки» старшей учительницы вызовут интерес у наших читателей.

Вечно строгий, всегда сдержанный и даже суровый Михаил Васильевич Комиссаров сидит с нами в лесничестве на лужайке. Томится в ожидании лесника, чтобы отправиться на лесопосадку. Он срывает тонкую, плоскую травинку, зажимает между большими пальцами и неожиданно извлекает пронзительную мелодию, превращаясь на глазах в этакое доброго озорника, которого мы, оказывается, не только побаиваемся, но и очень любим.

...Весенним утром бегу по обширной пришкольной луже, догоняя Гришку Ч. Лед, по которому только что пробежал он, подомной трещит и подламывается, я сажусь в воду, а вокруг меня распускается веером моя широкая юбка в складку. Звонко... Не успев как следует отжаться, захожу в класс. Константин Павлович Славницкий молча, укоризненно качает головой, глядя мне под ноги, где растекается каплюющая с юбки холодная вода, и жестом останавливая взрыв ребячьего смеха, также молча отводит меня в задний угол, усаживает на свой учительский стул возле горячей батареи центрального отопления, где меня не видят одноклассники, и продолжает урок.

Мне вспомнились военные годы. Выходишь с Калининской — взгляд прежде всего на дымовую трубу школы. Вьется дымок — получится добрый день. А тем поздним вечером дыма не было.

В тревоге с ходу спускаюсь в котельную, где мертвецки пьяный спит истопник (работали и случайные люди), в топках догревают подернутые теплом угли, трубы отопления остывают... Наверху дежурит Евгения Семеновна Кутырева — учительница сугубо интеллигентная и во мнении окружающих — белоручка. А что делать? К утру батареи совсем остынут, где-то промерзнут и лопнут — снова сидеть в пальто, а то и вовсе отменить уроки... Напяливаем грязные рукавицы, идем во двор, сбрасываем в яму запасника мерзлые дрова, разводим кое-каким сушняком спасительный огонь и до утра поддерживаем его поочередно, безуспешно пытаюсь привести истопника в чувство. К утру он приходит в себя, истощенно извиняется и начинает шуровать сам. А мы бежим домой перекусить, отмыться и вернуться на уроки, куда Евгения Семеновна войдет тщательно причесанная, в строгом платье, с ухоженными руками, и никому не положено будет знать, какую работу вынесли за ночь эти чистые руки.

Мария Артемьевна. Стоит произнести это имя, лица светлеют. Володарцы знают М. А. Корчагину очень — очень давно. Многие наши земляки могут сказать о ней: «Это мой Учитель!».

Завтра, 4 августа, Марии Артемьевне исполнится 80 лет. Газета присоединяется к многочисленным поздравлениям володарцев и желает этой замечательной женщине всех благ! Диктатура сердца не дает Марии Артемьевне жить без забот и дел. И своих учеников она учила всегда тому, что «вера без дел мертва есть». Пусть же вера, жизнелюбие, мудрость помогают ей жить дальше, передавать опыт молодым, нести свет добра!

Прасковья Ивановна. Сознание несправедливости запало на всю жизнь.

Назначена на работу в среднюю школу. Вечером гуляем с друзьями в Дачном садике (был такой вокруг бывшей бугровской дачи). Группа подростков ведет себя неблагоприятно. Вмешиваемся, выясняем, кто есть кто, нет ли среди них будущих моих учеников. «А я студент», — представляется один.

В первый день учебного года знакомлюсь по журналу с учениками седьмого класса. На фамилию Липин поднимается недавний знакомый. «А, студент!» — мимоходом бросаю я. А слово приклеилось клочкой. Встретился с ним позже, когда он был председателем колхоза, вспомнили, посмеялись, но клочка-то, похоже, так за ним и осталась.

Дежурство на танцах в клубе. Подходит блестящий, с орденами и медалями, подтянутый, красивый военный летчик. Здоровается с именем-отчеством, убедительно просит его узнать. После

рит задумчиво: «Кто же из вас умнее, ученик или учительница, кто кого старше, к кому подход находить?». Иду в класс пристыженная, обещая себе впредь справляться самостоятельно.

В учительской молодой историк беседует с бабушкой своего ученика. «Совсем избаловался, не слушается, мать с отцом в отъезде, что и делать, ума не приложу», — печалится старушка. «Порку дать хорошую! — к ужасу прислушивающихся учителей советует вчерашний выпускник пединститута. «Так ведь не разрешают!» — «Ничего, один раз можно. Ваш внук, вы ему и хозяйка». Через некоторое время бабка озорника снова в учительской: «Уж спаси тебя бог, Степан Никонорыч! Побила я внука, слушается, по дому помогает, не загуливается». «И уроки учит!» — смеется давно уже ставший кумиром старшеклассников С. Н. Шибалов. Вот уж, действительно, неисповедимы пути твои, педагогика!

В школе с проверкой преподавания литературы дзержинское светило — очень знающий, очень требовательный руководитель нашей секции Василий Вячеславович Криштафович. Целый час твержу предстоящий урок в восьмом классе (Д. Байрон «Чайлд Гарольд») и даю его на самом высоком профессиональном уровне. «Блестяще!» — оценивает проверяющий и, как позже доходят слухи, ставит в пример отдельным дзержинским учителям мастерство молодой учительницы. А я на следующем уроке с изумлением выясняю, что мои ученики буквально ничего не вынесли из этого блестящего урока... «Мы все только на вас смотрели, как на артистку». Приходится повторить заново, чтобы убедиться в конце урока: усвоили. «Так вы сегодня девять раз спросили: понятно? Вот мы и поняли», — объяснил с первой парты голубоглазый Саня Горбунов. И я поняла нашего завуча Евгения Мелентьевича Щепинского, когда он говорил, что учителю мало самолюбленно разливать соловьем на уроке, надо еще иметь в виду учеников.

Педсовет по итогам полугодия рассматривает вопрос о поведении ученика Парыгина. Вскрыто много недопустимых нарушений, выслушаны бессвязные оправдания всем надоевшего своими выходками нарушителя, умоляющие просьбы матери. Педсовет настроен воинственно, учителя неумолимы, на голосование ставится вопрос об исключении. В последний момент поднимает руку Антонина Васильевна Кутырева: «Что же мы делаем, товарищи? Ведь ему полгода до окончания школы! Неужели мы полгода потерпеть не можем, чтобы

ды. Выходяшь с Калининской — взгляд прежде всего на дымовую трубу школы. Вьетса дымок — получится добрый день. А тем поздним вечером дыма не было.

В тревоге с ходу спускаюсь в котельную, где мертвецки пьяный спит истопник (работали и случайные люди), в топках догорают подернутые теплом угли, трубы отопления остывают... Наверху дежурит Евгения Семеновна Кутырева — учительница сугубо интеллигентная и во мнениях окружающих — белоручка. А что делать? К утру батареи совсем остынут, где-то промерзнут и лопнут — снова сидеть в пальто, а то и вовсе отменят уроки... Напяливаем грязные рукавицы, идем во двор, сбрасываем в яму запасника мерзлые дрова, разводим кое-каким сушиным спасительный огонь и до утра поддерживаем его поочередно, безуспешно пытаюсь привести истопника в чувство. К утру он приходит в себя, истопно извиняется и начинает шуровать сам. А мы бежим домой перекусить, отмыться и вернуться на уроки, куда Евгения Семеновна выйдет тщательно причесанная, в строгом платье, с ухоженными руками, и никому не положено будет знать, какую работу вынесли за ночь эти чистые руки.

СИЛА СЛОВА

В третьем классе сижу на первой парте, рядом с дочкой нашей учительницы, с которой недавно и навсегда порвали старую дружбу. «Мама, как Корчагина быстро пишет!» — замечает она громко на уроке чистописания. «Зато скверно!» — не взглянув на тетрадь, так же громко резюмирует мать. Глотаю слезу обиды, предвещницу двойки, если капнет на листок. Через неделю, уже в базовой школе, усердно расписываюсь в получении трех метров бязи. (1920 г. — гражданская война, разруха). Кто-то из наблюдающих передельновских учителей хвалит: «Как красиво пишет!» «Первая ученица!» — с гордостью констатирует наша

что «вера — путь же дела мертвая есть». Пусть же вера, жизнелюбие, мудрость помогают ей жить дальше, передавать опыт молодым, нести свет добра!

Прасковья Ивановна. Сознание несправедливости запало на всю жизнь.

Назначена на работу в среднюю школу. Вечером гуляем с друзьями в Дачном садике (был такой вокруг бывшей бугровской дачи). Группа подростков ведет себя неблагоприятно. Вмешиваемся, выясняем, кто есть кто, нет ли среди них будущих моих учеников. «А я студент», — представляется один.

В первый день учебного года знакомлюсь по журналу с учениками седьмого класса. На фамилию Липин поднимается недавний знакомый. «А, студент!» — мимоходом бросаю я. А слово приклеилось кличкой. Встретился с ним позже, когда он был председателем колхоза, вспомнили, посмеялись, но кличка-то, похоже, так за ним и осталась.

Дежурство на танцах в клубе. Подходит блестящий, с орденами и медалями, подтянутый, красивый военный летчик. Здоровается с именем-отчеством, убедительно просит его узнать. После тщетных моих попыток называется сам. «Да это вы ли, Миша: вас не узнать!» Улыбается чуть задиристо: «А помните, когда меня на бюро райкома принимали в комсомол, вы характеристику дали: да так он, какой-то sereneкий. Меня это так задело, что я всю жизнь всем доказываю, что я не «серенький». Мы с ним и позже встречались — верно, не sereneкий. И кто скажет, чем наше слово отзовется.

СЛУЧАИ ИЗ ПРАКТИКИ

1933 год. Осваиваю учительскую профессию. Прихожу к директору школы жаловаться на неуправляемого второклассника. Александр Иванович Забавин сочувственно выслушивает и гово-

дят слухи, ставит в пример отдаленным дзержинским учителям мастерство молодой учительницы. А я на следующем уроке с изумлением выясняю, что мои ученики буквально ничего не вынесли из этого блестящего урока... «Мы все только на вас смотрели, как на артистку». Приходится повторять заново, чтобы убедиться в конце урока: усвоили. «Так вы сегодня девять раз спросили: понятно? Вот мы и поняли», — объяснил с первой парты голубоглазый Саня Горбунов. И я поняла нашего завуча Евгения Мелентьевича Щепинского, когда он говорил, что учителю мало самолюбленно разливаться соловьем на уроке, надо еще иметь в виду учеников.

Педсовет по итогам полугодия рассматривает вопрос о поведении ученика Парыгина. Вскрыто много недопустимых нарушений, выслушаны бессвязные оправдания всем надоевшего своими выходками нарушителя, умоляющие просьбы матери. Педсовет настроен воинственно, учителя неумолимы, на голосование ставится вопрос об исключении. В последний момент поднимает руку Антонина Васильевна Кутырева: «Что же мы делаем, товарищи? Ведь ему полгода до окончания школы! Неужели мы полгода потерпеть не можем, чтобы у него девять лет не пропало? Буду отвечать за него. Но и ты, Женя, эти полгода должен продержаться. Сумеешь?» Женя, не поднимая полных слезоу глаз, молча кивает головой, мать светлеет лицом, учителя голосуют «за». Весной Евгений получит аттестат зрелости, добрую половину которого отнесут на счет А. В. Кутыревой.

Помните ли вы своих учителей, ребята?

Всегда ли вы, дорогие сограждане, по достоинству цените такой нудный и возвышенный, такой необходимый и не всегда благодарный, такой испепеленный ум и сердце труд учителя?

М. КОРЧАГА